

аспектов психики, которые, на самом деле, связаны с прохождением аналитического пути. Задача состояла в том, чтобы, принимая во внимание внешнюю ситуацию, в рамках которой мы все действительно были преследуемы вирусом, расширить обсуждение других тем: нестабильность существования, качество человеческих отношений, восприятие опасности от контакта друг с другом.

— **Думали ли вы над психоаналитическими смыслами и интерпретациями всего происходящего (пандемии и вызванных ею реакций)? Что может лежать в основе реакций правительств и отдельных людей, с которыми мы столкнулись за последний год?**

— То, что меня поразило больше всего, так это неподготовленность к происходящему правительства, медлительность в реагировании, неспособность преодолеть политические разногласия в борьбе с общим врагом, недостаток солидарности, выбор в пользу экономических аспектов, а не жизни людей. На мой взгляд, пандемия стала вызовом, с которым человечество сначала не справилось. И только сейчас, благодаря великим способностям человеческого разума, ответившего на вызов созданием вакцины, и жертвоприношению всех работников здравоохранения мы смогли немало отыграть.

— **В 1918–1920 гг произошла эпидемия испанского гриппа, которая по разным подсчётам унесла жизни от 50 до 100 млн человек. Не знаю, как в итальянских школах, но в российских курсах истории практически не упоминается этот факт. Мы подробно говорим о чуме в Европе в 14 веке, но факт эпидемии 1918–1920 как будто вытеснен из сознания. И я обратила внимание, что вспышки свиного и птичьего гриппа ненадолго становились сенсациями, но не приводили к серьёзным трансформациям в области здравоохранения и экономики. Человечество как будто «забывает» каждый раз о «невидимых угрозах». Я видела много раз в интернете информацию о том, что правительства разрабатывает протоколы и рекомендации по поведению даже в случае зомби-апокалипсиса (конечно же, остаётся вопрос об их эффективно-**

сти), но информации о разработке подобных рекомендаций в случае пандемии — нет. Вам не кажется это странным?

— Я тоже был шокирован тотальным игнорированием частью людей (и чиновников) событий, произошедших столь недавно. Я думаю, что наше общество заплатило за бред всемогущества и что преобладание потребительской экономической логики привело к тому, что мы забыли, что мы — не хозяева Земли и что мы слишком плохо относимся к планете, которая даёт нам приют.

— **Какой опыт мы можем вынести из этой пандемии? Вынести в смысле «приобрести» и в смысле «выдерживать».**

— Осознание того, что те, кто прошёл через пандемию лучше всего, сделали это благодаря активно действующей сети человеческих отношений, что выбор жизненных целей важен, что признание в социальной группе помогает преодолеть неизбежные жизненные невзгоды, даже когда дело доходит до борьбы с «психическими» вирусами.

— **Каким вам видится ближайшее будущее Италии, итальянского психоаналитического сообщества, мира? Мы опять обо всем позабудем или, может быть, в этот раз сможем научиться на опыте переживаний?**

— Что касается Италии, я думаю, что система здравоохранения, которая, несмотря на то, что её пренебрегают и плохо финансируют, ответила на угрозу оптимально. К сожалению, у меня нет большой надежды на то, что это запомнят.

Я надеюсь, что психоаналитическое сообщество Италии воспользуется пандемией для осознания необходимости идти в ногу с социальными изменениями. Я думаю, например, о важности более тщательного рассмотрения онлайн терапии и использования интернета для занятий, семинаров и супервизий. Мы должны переопределить цели нашей жизни, как на индивидуальном, так и на социальном уровне, но я боюсь, что к тому времени, когда мы преодолеем чрезвычайную ситуацию, будет потеряно чувство драматичности этой пандемии и многое опять будет забыто. **п**

*Беседовала и перевела с итальянского
Стулова Юлия Евгеньевна*

Ковидный год как модель принуждения к будущему: психоаналитическое толкование произошедшего

Медведев Владимир Александрович

- философ, психоаналитик-исследователь
- кандидат философских наук
- действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP)
- действительный член Российского философского общества, Российского психологического общества, Почётный член ЕАРПП (Россия)
- директор Авторской психоаналитической школы Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра
- руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO», координатор сетевого проекта «Психоаналитический летописец» и главный редактор изданий данных проектов
- автор монографий «Сны о России. Психоанализ российской действительности и русской судьбы» (в 2 томах), «Импровизации на тему психоанализа», «Психоанализ психоанализа»

— Владимир, прежде всего, спасибо, что нашли время и согласились дать интервью. Я знаю, что многие наши коллеги с интересом читают ваши публикации на разные темы и многому учатся у вас.

Прошедший год принес всем нам много неожиданного и явно требующего разъяснения, в том числе и с психоаналитической точки зрения. Мы знаем вас как психоаналитика-исследователя, и хотелось бы услышать вашу точку зрения на произошедшее и происходящее. Чем интересен был «год пандемии», какие события и открытия принес он вам?

— Прежде всего, хочу поблагодарить вас, Татьяна, за то, что вы дали мне возможность порассуждать о коронавирусе и ковиде, как аутоиммунном психосоматическом расстройстве, им провоцируемом, в форме интервью. Мне давно хотелось публично проговорить свои мысли на эту тему, поделиться своим опытом, но сделать это в форме статьи в наших и зарубежных психоаналитических изданиях мне было затруднительно в силу формальных требований для подобных публикаций (сносок, ссылок, списка источников и прочего антуража, в данном отношении совершенно неуместного). А вот жанр интервью — это то, что надо!

Действительно прошел ровно год с того очень важного для меня, и в чем-то даже переломного, двухнедельного периода, когда я, инфицировавшись новым коронавирусом и подойдя к самому краю «ковидного самоуничтожения», остановился на этом краю, мобилизовав те ресурсы, которые мне смог предоставить накопленный за 30 лет психоаналитический опыт. Остановился, осмыслил природу произошедшего и 8 мая 2020 года начал в своем интернет-блоге серию публикаций под общим названием «Как переболеть ковидом: заметки выжившего»¹. Массовый интерес к этой серии — заключительные ее материалы читали почти 50 000 человек — вдохновил меня на дальнейшие размышления в этом направлении, весьма продуктивные, кстати говоря. Продуктивные и в области новых концептуальных обобщений, и в области предложений по модернизации психоаналитической техники: у нас ведь исследования неразрывны с практикой.

— Концептуальные обобщения встречаются крайне редко в последние годы, что увеличивает их ценность, и мы обязательно к ним вернемся. Но начать наш разговор хотелось бы с достаточно конкретного вопроса: что именно, какие ресурсы психоаналитического опыта, способны помочь человеку, болеющему ковидом? Могли бы вы поделиться вашим личным опытом?

— Я не совсем с этого хотел начать наш разговор, но давайте и вправду начнем сразу с главного — с демонстрации наших чудесных возможностей там, где пока что царит растерянность и непонимание. Я имею в виду психотерапию предковидных фобий и панических состояний, психотерапию «острого ковида» на пороге аутоиммунного телесного саморазрушения («цитокинового шторма») и психотерапию постковидных психосоматических расстройств, описываемых ныне в широчайшем спектре их симптоматических проявлений.

Это не совсем моя тема, я — психоаналитик-исследователь. Но это и моя тема тоже, поскольку я прошел все эти три стадии опыта

общения с коронавирусом именно в режиме постоянной психоаналитической поддержки, четко понимая, что именно со мною и вокруг меня происходит, действуя сообразно этому пониманию и фиксируя результаты своих действий с перспективой описания их как психотерапевтической методики.

Психоанализ, как воплощенный в объяснительных концепциях и технических методиках персональный опыт Зигмунда Фрейда, изначально и доныне учит нас практически воплощению классической заповеди «Cūga tē ipsum» (в устах Иисуса она звучала как «Врачу, исцелися сам»). Индивидуальный опыт психоаналитика, его «личный кейс», как всегда важен для профессиональной эффективности психоаналитической практики, основанной на вере и на способности эту веру формировать и поддерживать. Достоевский подарил нам по этому поводу поучительную мысль: для работы в глубинах Души человеческой потребны Чудо, Тайна и Авторитет. Проблема тут лично для меня только в том, что жанр публичного интервью (хотя и для издания, предназначенного исключительно для коллег) требует проговаривания этой Тайны, рассказа о Чуде как об обыденном событии. Но иначе нельзя, иначе не получится это свое персональное Чудо интегрировать в практику помощи другим людям. Помнится, Фрейд всю жизнь сожалел о том, что откровенно рассказал о своем чудесном выздоровлении и преображении в «Толковании сновидений», но не сделал он этого — никакого психоанализа сейчас у нас бы не было. Надеюсь, что мне не придется жалеть о том, что я тоже буду сегодня максимально откровенен, тем более, что откровенность эта относительна: и Фрейд явно лукавил, выстроив свою Книгу как ребус для разгадывания, а не как опыт эксгибиционизма; да и я, конечно же, оставлю многое со мною произошедшее за этот год в Тайне. Сила психоанализа не в выбалтывании тайн, а в молчаливом создании атмосферы Тайны (кстати, Тайна — это одно из реальных имен Бессознательного).

Скажу сразу, с ковидом мне здорово повезло, причем без всяких кавычек. Сейчас мы переживаем только первые «схватки» рождения новой модели культуры и новой модели цивилизации, спровоцированных эпидемией; грядут и новые, гораздо более разрушительные

Дома для меня творческая самоизоляция, перемежающаяся с поездками за покупками и прогулками с собакой, всегда была привычной и желанной нормой, дарующей мне высокий уровень продуктивности

и одновременно более продуктивные изменения. И мне не хотелось бы, чтобы каждый раз, войдя в период этих болезненных «схваток» рождения себя в новой реальности, основанной на новом типе подключенности к Бессознательному, мы снова кричали от боли и страха, не понимая, что с нами происходит.

А психоанализ как раз и был изначально предназначен для того, чтобы давать людям такое понимание, показывать им, что их мучает, что препятствует их обыденной жизни, что разрушает ее, что превращает ее, такую привычную и легкую, в набор мучительных затруднений (своего рода навязчивых симптомов). Или хотя бы давать иллюзию такого понимания, что тоже немало, ведь именно из иллюзий, сцементированных верой, мы и выстраиваем знание новой реальности тогда, когда прежняя демонстрирует нам свою обветшалость и на наших глазах начинает разрушаться. Особая ценность произошедшего с нами всеми за этот год — возможность увидеть будущее: свое собственное, своей семьи, тех социальных групп, к которым мы себя причисляем, той культурной оболочки, в которой пребывают эти группы, и, пожалуй, что и человечества в целом, судя по глобальности произошедшего и до сих пор происходящего с нами.

— Вы сказали, что вам сильно повезло. В чем состояло это везение?

— Сейчас поясню. Прежде всего, мне повезло как психоаналитику-исследователю. Так вышло, что столкнулся я с весьма странной и настоятельно требовавшей истолкования

реакцией людей на появление SARS-COV-2 не в России, а вне привычной для меня обыденности. Именно это обстоятельство помогло мне обнаружить и оценить с позиции психоаналитического исследовательского подхода то, что дома я мог бы и не заметить: начало схлопывания культурно-цивилизационной оболочки, ее быстрое и неожиданно универсальное, общечеловеческое, выворачивание наизнанку, превращение в свою противоположность. Где, как в сказке о Золушке, при «последнем ударе часов в полночь», знаменующих некий «конец и начало времен», коммуникация превратилась в самоизоляцию, а сотрудничество — в дистанцирование; где основой социальности вместо любви стал страх; где привычные нам базовые регрессивные состояния «сползли вниз», от детства к младенчеству; где блаженствует первичный нарциссизм, наконец-то обретающий адекватную своим запросам социокультурную оболочку; где человек даже телесно превращается в своего «антипода», поскольку меняются местами телесные верх и низ, формируя новые зоны интимности и желание их прикрывать («революция масок» в этом смысле подобна «революции трусов» начала прошлого века); и т.д. Обыденная жизнь внезапно была объявлена патогенной сферой и была подвергнута стремительно нарастающему отрицанию, в итоге быстро ставшему абсолютным.

Дома я мог бы не так остро воспринять этот процесс «реновации» социокультурной оболочки, знаменующий конец (и одновременно, новое начало) истории, реальное, а не концептуально моделируемое, пересечение всеми нами границы межцивилизационного перехода («эпохи глобальных перемен»), наше «принуждение к будущему», пока еще тестовое, но уже вполне определенное по содержанию перемен и их перспективам. Дома для меня творческая самоизоляция, перемежающаяся с поездками за покупками и прогулками с собакой, всегда была привычной и желанной нормой, дарующей мне высокий уровень продуктивности. В этом плане сегодня уже можно сказать, причем без малейшей иронии, что я, как и подобные мне психоаналитики, «делающие свою жизнь» с Зигмунда Фрейда, являюсь своего рода «человеком будущего». Подчеркиваю, Фрейд был именно таким «человеком будущего» и именно поэтому его наследие так

¹ <https://arisot.livejournal.com/45561.html>

важно для нас при переживании нынешней ситуации и при подготовке к ее грядущим последствиям и рецидивам. Он постоянно предупреждал о том, что нас ждет обрушение культурного здания, в котором мы живем, о том, что нужно готовиться к будущему как к полярной экспедиции, а не как к прогулке по вершне-итальянским озерам. И вот теперь настала пора его услышать и посмотреть, что же именно он предлагал нам в качестве экипировки для этого похода в мир вечного холода, тьмы, одиночества и скрежета зубового. В мир, где нормой становится все то, что раньше атрибутивно приписывали Аду.

Так вот, вдали от дома, влившись в массу «отдыхающих», т.е. людей, вырванных из оболочки привычной обыденности и на короткое время вступивших в пространство ритуалов релаксационной игры с заранее определенными правилами, я обостренно воспринял стремительно ускоряющееся изменения этих правил, в итоге приведшее к краху самой этой игры. Сначала внезапно пропало самообслуживание за завтраком и «шведский стол» сменился скудным меню, потом закрылись рестораны и бары, затем рынки и моллы, а потом и с пляжей исчезли лежаки, но появились полицейские патрули, а выход за пределы номера стал проблематичен даже в маске и перчатках. Тогда мы с супругой, не дожидаясь того, что будет дальше, поменяли билеты и, как оказалось, последним рейсом «Эмирейтс» вернулись домой в Санкт-Петербург. Там нас уже встречали в Пулково работники Роспотребнадзора в костюмах космонавтов, вручающие нам под камеру предписания о двухнедельном карантине. И где обнаружилось, что того мира, из которого мы буквально несколько дней назад улетали, больше нет: все «игры», в которые мы ранее спокойно играли — игры обучения, работы, привычного дружеского и семейного общения, досуга, даже игры в «пациента и доктора», даже (что было самым странным и страшным) вроде бы именно для таких случаев и придуманные религиозные ритуалы — рухнули в одночасье. Мы вернулись на обломки той цивилизации, из которой так недавно улетали.

И этот контраст также позволил многое заметить и проанализировать, в частности, ту явную странность, что наблюдаемый социокультурный и политико-экономический

коллапс был несоразмерен угрозе, якобы его породившей. Достаточно заметить, что при введении в прошлом году тотального апрельского локдауна в нашей стране было несколько сотен инфицированных и 46 умерших от COVID-19, что сегодня, когда первые исчисляются миллионами, а вторые — сотнями тысяч, выглядит как некая мечта, как нереальный ныне идеал окончания эпидемии и полного отсутствия угрозы. По всему выходило, что и тот страх, который объял нас всех и заставил, всё бросив, испуганно попрятаться, и та политика тотального контроля, тотального запрета всего, что было привычно-нормальным, и тотальной регламентации остатков разрешенного (мы помним коды на разовый выход из дома и графики вывода «самоизолянтов», быт которых был организован гораздо жестче домашнего ареста, на прогулки), которая этот страх подхватила, усилила и закрепила в качестве фундамента новой социальности, были реакциями не на вирусную угрозу (на тот период в разы менее опасную, чем привычный нам сезонный грипп), а на нечто иное, более серьезное, более мощное и явным образом неосознаваемое.

Стало понятно, что мы слышали голос Бессознательного, столкнулись с Реальностью, обычно сокрытой от нас покрывалом иллюзий, испугались и спрятались. Вспоминается тут, весьма кстати, поведение Адама из библейской истории об изгнании из Рая: как он, услышав голос разыскивающего его Бога, «убоялся и сокрылся». Так и мы все убоялись и сокрылись, услышав «голос Бога», ощутив вдруг себя «нагими», т.е. незащищенными, открытыми некоей неведомой ранее угрозе. И внезапно вывалились из райского мира своих обыден-

Стало понятно, что мы услышали голос Бессознательного, столкнулись с Реальностью, обычно сокрытой от нас покрывалом иллюзий, испугались и спрятались

ных иллюзий, обнаружив, что они скрывали от нас нашу главную и внезапно проявившуюся уязвимость, нашу смертность, превратившуюся вдруг из далекой абстракции в нечто реальное и близкое. Ставшую для нас проблемой и потребовавшей от нас заключения с нею нового «культурного договора», возвращения ее, как писал Фрейд («Мы и Смерть») в мир нашей обыденности, для чего последняя как раз и должна быть вывернута наизнанку.

Любой страх, как мы знаем, является последним рубежом подавления недопустимого к отреагированию влечения. В данном случае, исходя из тотальности проявления этого страха и его мощи, речь, несомненно, шла о первичном (базовом) влечении, а разрушительность его проявлений по отношению ко всему, что связано с объединяющим людей Эросом, говорило нам о том, что столкнулись мы с влечением к Смерти, ощутили в себе волю Танатоса. А те ритуалы мучительного самонаказания и тотального лишения себя всех ранее нам доступных человеческих радостей, которые мы при этом защитно воспроизвели, явным образом демонстрировали наличие основания для подобного рода глобального самоубийственного импульса — неосознаваемого чувства вины, причем вины глобальной и требующей не менее глобальной за нее расплаты.

К счастью, у нас в психоанализе по этому поводу уже давно лежал без применения массив знаний, сформулированных Фрейдом в сходной ситуации для объяснения похожих проявлений «разрыва культурного договора со Смертью». Я имею в виду фрейдовские работы, отражающие его анализ глубинной психодинамики периода Великой войны (1914–1918) и Великой пандемии (1918–1920): от «Своевременных мыслей о войне и смерти» до «По ту сторону принципа удовольствия». Я всегда с особым личным подключением читал и перечитывал эти тексты; и вот это знание мне пригодилось, когда, пройдя по столетнему штрафному кругу, человечество снова встало перед лицом Сфинкс, т.е. вошло в очередную теснину, где нужно сделать выбор: либо услышать голос Бессознательного, понять его волю, принять ее и измениться (именно на этом всегда настаивал психоанализ), либо снова принести на алтарь непонимания сотни миллионов жертв и вслепую (подобно Эдипу) бродить

по земле до столкновения с очередной пропастью и сидящей на ее краю Сфинкс.

Все это было так очевидно, что вернувшись в Россию я сразу же написал и обнародовал серию текстов под общим названием «Записки вируса-квартируса»¹, в которых вполне ясно рассказал всем желающим понять, что же такое странное с нами происходит: и о том, что нас ныне убивает; и о том, за что; и о том, почему мы реагируем на эту угрозу именно так, а не иначе; и о том, какое послание мы ныне получили от Бессознательного как глобального биоэволюционного регулятора; и о том, какова динамика начавшейся ныне и проходящего пока еще в тестовом режиме (т.е. с «откатом», но уже в русле исторической неизбежности) «реновации реальности», что нас всех ждет на этом пути в ближайшем и отдаленном будущем.

Увидев, что эти мои «Своевременные размышления о пандемии и смерти», до предела насыщенный фрейдовским «героическим пессимизмом», интересуют очень ограниченную аудиторию (вначале из читало не более 500 человек, а завершающие серию очерки не набрали и 300 читателей), я понял, что людей ныне интересуют не судьбы человечества, а их и их близких персональные судьбы, не контуры будущего, формируемые контурами прошлого, а реалии настоящего, здесь и сейчас с ними и вокруг них происходящего. Фрейдовский лозунг, выдвинутый им в похожей ситуации как спасительный ориентир, «Si vis vitam, para mortem» («Хочешь выжить, готовься к смерти») следовало обосновать и превратить в практические рекомендации для отдельного современного человека, если не для каждого, то, по крайней мере, для всех тех, кто доверяет психоанализу и прислушивается к нашим советам.

— Наши читатели психоанализу доверяют и ваши советы будут интересны. Владимир, вы можете сегодня поделиться с нами практическими рекомендациями подобного рода?

— И да, и нет. Над этим нужно еще много работать и явно не мне одному. Сегодня можно уже со всей определенностью сказать, что

¹ <https://arisot.livejournal.com/43396.html>

«психоанализ ковидной ситуации» помогает нам эффективнее (или, по крайней мере, безопаснее) решить две проблемы.

Во-первых, психоанализ (по крайней мере, в его фрейдовском понимании) помогает понять, как готовиться к практически случайно спровоцированному «ковидом» (эту роль могли сыграть и иные факторы) началу смее цивилизационной модели, как наиболее выигрышно войти в то будущее, которое нам показалось на время, снова спрятавшись, но дав нам понять, что мы к нему уже готовы. Мы на пороге глобальных изменений, которые не навязаны нам, а напротив, порождены нашей собственной радикальной трансформацией. Мы воспринимаем происходящее как травму, как кризис, но терпим, особо не сопротивляемся. А нынешний откат в привычное нам прошлое, как и грядущие все более слабые откаты при все новых и новых попытках принуждения нас к уже понятному будущему, к переселению в мир самоизолированных нарциссов, связан всего лишь с инерцией столетиями поддерживающей нашу социальность культуры, ориентированной на Эрос и его сублимации, а не на Танатос, на теплоту взаимодействия, а не на холод дистанцирования, на любовь к Другому, а не на фобийное бегство от него как «источника заразы». В Доме старого Бога, повторю здесь метафору Фрейда, еще живут люди, но Бог этот уже умер и тут больше не живет, разве что еще не выписан отсюда окончательно. Так что психоанализ спокойно может подрывать его фундамент, готовя котлован для нового строительства и составляя проектную документацию для его, этого строительства, будущих прорабов.

Во-вторых, психоанализ помогает (по крайней мере, способен реально помочь) отдельному конкретному человеку подготовиться к встрече с вирусом таким образом, чтобы она не стала фатальной, не привела к тяжелой болезни, а то и гибели. Причем гибели не от вируса. Вирусы если не дружелюбны, то вполне нейтральны к своим носителям. Перед ними, как мягкооболочными капсулами с РНК-кодом, стоит лишь одна задача — максимально распространиться, занять свое место в биоценозе, проникнуть в клетки и ДНК-реплицироваться, а в перспективе внедриться в цепочки ДНК уязвимых для их атак организмов (как выяснилось, наш с вами, Татьяна, че-

ловеческий ДНК-код уже сейчас на 8 процентов состоит из вирусных цепочек). Так что вирус нас не убивает, в перспективе он нас изменяет, а в момент нашей с ним встречи он может вызвать симптомы простуды, максимум, временную потерю обоняния (привет Флису!). Загоняет же нас в «ковид» как болезнь, мучает, а порою и убивает наш собственный иммунитет, у которого, как рассказал нам некогда Фрейд, есть программа уничтожения своего «подзащитного», которую основоположник психоанализа как раз и назвал Танатосом, которая запускается не телесными, а психическими механизмами и, прежде всего, неосознаваемым чувством вины. В этом плане ковидное самоуничтожение подобно проанализированному некогда Фрейдом самоуничтожению онкологическому, правда в последнем случае Эрос и Танатос принуждают нас к самоубийству совместными усилиями. Фрейд, кстати, очень много и очень продуктивно рассуждал на эти темы, сформулировав в 1926 году свой знаменитый тезис о том, что «любая смерть есть форма самоубийства».

Возможной оказалась психоаналитическая поддержка и в период реального заболевания COVID-19, особенно на его «острой фазе», во время нарастающего воспалительного процесса в легких, когда «цитокиновый шторм» зависает в неопределенности исхода, а ты пребываешь в трансовом бредовом состоянии, общаясь с демонами, поднимающимися из глубин психики.

Главной же целевой группой для психоанализа, ориентированного на работу по купированию своеволия Танатоса (я в последнее время называю совокупность таких техник «некропсихоанализом», каждый раз поминая добрым словом Юлию Решетникову — автора данного термина), являются носители т.н. «лонг-ковида», или постковидного синдрома, уже доказательно квалифицированного как посттравматическое психосоматическое расстройство. А таких людей сейчас уже сотни тысяч, причем это только количество тех страдальцев, которые объединены в профильные сетевые сообщества, где они делятся друг с другом своими бедами и надеждами на медицинскую помощь и психологическую поддержку.

А сейчас, уж извините меня, Татьяна, я сам задам себе вопрос, поскольку вопросы подобного рода другому человеку, а тем более колле-

ге, даже у нас, в психоаналитическом сообществе, публично задавать не принято. Спрошу себя: как же именно мне помог психоанализ при прохождении всех трех проблемных отрезков «ковидной ситуации»? И чем я готов из этого своего опыта сегодня поделиться?

Подготовиться к оптимальной встрече с вирусом мне помогло то, что параллельно с написанием очерков по «культурфилософии и метапсихологии ковида» в апреле прошлого года я провел с группой коллег очередной этап тренинга персональной психоаналитичности, проработав в ходе его проведения все, что было связано с темой смерти и умирания, а затем начал готовиться в вебинару по практическому психоанализу, где впервые для себя сформулировал новые типы психотерапевтических методик работы с влечением к смерти (эти занятия пришлось перенести на осень, но контуры такой техники у меня сложились и прошли через их своего рода «виртуальную апробацию»). А во второй половине апреля я провел двухнедельный марафон из серии «На кушетке у фрейдовских текстов», где мы с коллегами, метафорически говоря, продвигаясь от трупа к трупу, подняли и пережили фрейдовский опыт совмещения тем материнства и смерти, которым как раз и посвящена разбираемая нами тогда книга «Толкование сновидений».

Вторую половину этого онлайн-марафона, как потом оказалось, я проводил уже будучи инфицированным коронавирусом. А острый период заболевания с 60-процентным поражением легких, скачками температуры от 39,5 до 34,4 °C, с запредельно низкой сатурацией, и т.д. начался как раз на следующий день после его завершения.

Не стану тут вдаваться в подробности, но скажу, что огромную поддержку мне оказала музыка. Может быть, поэтому я так ратую ныне за ее обязательное использование в аналитической ситуации, как впрочем и за возвращение в практику психоанализа языка запахов. А решающую роль сыграли практики «позитивного транса» с намеренным эмоциональным подключением к типичным, как я потом узнал, ковидным бредовым галлюцинациям. Кстати, в моем случае они носили предельно конфронтационный характер, чем, возможно, и объясняется у меня тяжесть прохождения заболевания. Но тут уже ничего

В сфере метапсихологии назрела и даже перезрела задача смены «опорного мифа психоанализа» как перехода от эдипальных объяснительных моделей к сизифальным. Миф о Сизифе, вступившим в единоборство с Танатосом и мучительно искупающий этот свой грех, наиболее точно описывает типическую модель коллективной и индивидуальной психодинамики наших современников

не попишешь, этим страдал и Фрейд: непроработанная гордыня требовала единоборства с Танатосом, а необходима была если не любовь к нему, то, по крайней мере, терпеливая доброжелательность и принятие. Недавно, рассказывая о той методике «объятий с Танатосом», которую я создал на основе анализа этого своего опыта, я нашел точную иллюстрацию этого состояния — финал фильма «Стрельба в Палермо» Вима Вендерса (2008). Сегодня многим стоит пересмотреть этот фильм и поразмыслить над его образами.

Что же касается «постковидного синдрома», то тут я поначалу «дал маху» и отправился в хождение по врачам, больно уж красиво его динамика и симптоматика маскировались под уже имевшиеся у меня ранее «соматические уязвимости». Но сопоставив свои симптомы с историями «товарищей по несчастью» из профильных сетевых сообществ (только в одной из таких групп «нетипичный коронавирус (посковид)» в Фейсбуке активно участвуют более 47 тысяч человек), я вовремя остановился. Остановился, прислушался к себе, начал предсонные аналитические тренинги (я их назвал методикой «единственного дня») и восстановил телесное здоровье, приведя его

в соответствии с механизмами психической саморегуляции (Фрейд в 1918 году назвал подобно рода методику «подведением к целительному психосинтезу»).

— Да, коронавирус заставил нас о многом задуматься. Фраза «мир не будет прежним» уже стала избитой и банальной. Мне кажется очевидным, что и психоаналитическая теория и психоаналитическая практика требуют изменений в соответствии с новыми обстоятельствами. А могли бы вы, Владимир, вкратце сформулировать все те новшества и изменения, которые, по вашему мнению, необходимы для того, чтобы мы могли эффективно работать в «ковидной» и «постковидной» ситуации? — Я понимаю, что пора заканчивать, и потому буду максимально краток. Пожалуй, даже попробую сформулировать три базовых блока подобного рода новаций и изменений, расположив их по линии перехода от концептуальных оснований психоанализа к его прикладным практикам.

В сфере метапсихологии назрела и даже перезрела задача смены «опорного мифа психоанализа» как перехода от эдипальных объяснительных моделей к сизифальным. Миф о Сизифе, вступившим в единоборство с Танатосом и мучительно искупающий этот свой грех, наиболее точно описывает типическую модель коллективной и индивидуальной психодинамики наших современников.

В области оперативной психоаналитической теории как набора самореализуемых гипотез необходимо окончательно обосновать и концептуально развернуть уже давно наметившееся смещение базовой регрессивной опоры с детства на младенчество; это касается смены не только базовых объективаций (с отцовских на материнские), но и смены всего символического ряда, используемого при формировании «психоаналитических конструкций».

В области психоаналитической техники задачей номер один является ее деэротизация (особенно в плане «загрузки» трансфера); необходимо также возвращение аналитическому кабинету его изначального символизма, его символического подобия древнеегипетской погребальной камеры, а аналитической процедуре — тождества с античной мистерией

смерти/возрождения; пора признать, что ресурсы Эроса исчерпаны, новый Бог вступает ныне в свои права и нам стоит не мешкая переориентировать свои усилия в его сторону. Конечно же, это просто метафора, но метафора рабочая, требующая незамедлительной реализации и нагруженная как опасениями, производными от опыта этого странного и страшного года, так и надеждами на то, что все эти страдания и лишения были не напрасны.

— И последний вопрос, я думаю, что он интересует многих практикующих коллег. «Ковидные» обстоятельства вынудили целый ряд профессий уйти в онлайн. В период жесткой изоляции большинство коллег были вынуждены в срочном порядке осваивать онлайн-технологии, даже если раньше это было для них неприемлемо. Насколько я помню, ваша позиция, по отношению к онлайн-психоанализу была всегда принципиально критической. Вы пересмотрели эту позицию сегодня?

— Я всегда полагал, что дистантное аналитическое взаимодействие и работа психоаналитика «с экрана» недопустимы просто в силу своей невозможности. А доводы типа «А как же нам тогда снискать свой хлеб насущный!» меня никогда не убеждали. Но вот сейчас, вы абсолютно правы, Татьяна, я свою позицию пересмотрел. И скажу так: если мы работаем в технике «некропсихоанализа», прорабатывая преломление «коромысла» пренатальных и постнатальных (младенческих) переживаний в переходах сна/бодрствования (смерти/рождения), для нас перестают быть важны телесные диспозиции и провоцируемые ими желания. В этой ситуации телесное присутствие аналитика излишне, но его «психическое присутствие» обязательно. И потому дистантный психоанализ превращается из эксперимента в канон современной психоаналитической практики. Но при соблюдении двух условий: во-первых, речь при этом должна идти о работе именно с первичными позывами Танатоса и производной от них психодинамикой; и во-вторых, технически подобного рода практика должна быть все равно ритуализирована, выделена из обыденного жизненного пространства в пространство сакрально-символическое. ■

Беседовала Мизинова Татьяна Владимировна

Отпустите меня... Опыт проживания пандемии в пространстве балинговского сообщества

Тишкова Татьяна Олеговна

- сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- член Правления ЕАРПП
- руководитель Секции детского психоанализа РО-Москва (ЕАРПП)
- вице-президент Русского балинговского общества

В самом начале пандемии я сочувствовала итальянцам, которых не выпускали из домов, я наблюдала, как они не унывали, устраивали на балконах концерты и верили, что скоро пандемия закончится. Я сочувствовала им, запертым в квартирах. И потом началось у нас: закрылись границы. Не удалось поехать на традиционную балинговскую конференцию в Ахене (Германия), которую ожидаешь целый год — вот прилетишь, и будет тебе праздник: общение, увлекательная работа, коллеги, по которым скучаешь, прогулки по древнему немецкому городу.

Через пару месяцев пришлось перенести на год нашу Международную балинговскую конференцию на Байкале. Столько готовились, со всего мира собирались участники. Тогда верилось, что скоро все ограничения и трудности закончатся. Но закончилась Свобода. Наступила эпоха Изоляции: удаляться от дома разрешено на 100 метров и не дальше, необходимо выписывать пропуск для перемещений по городу. Сидишь взаперти и все в твоей жизни происходит виртуально. «Отпустите меня!» — с этой мыслью я просыпалась каждый день.

Мир, такой устойчивый и привычный, стал зыбким, хрупким и временным. Я почувствовала слова песни из фильма «Земля